

МАЛЫЕ ДЕРЖАВЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

УДК 327

Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты

И. Н. Новикова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Новикова И. Н.* Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 3. С. 219–242. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>

Одна из важных тенденций развития международных отношений второй половины XX — начала XXI вв. — это возрастание значения малых стран в международных отношениях. Из пассивных «пешек» в больших политических играх великих держав они превращаются в активных игроков, способных проводить собственные национальные интересы на международной арене. В период холодной войны европейские нейтральные государства приобрели уникальный опыт плодотворного сотрудничества в международных организациях, мирного посредничества и миротворчества. Многосторонняя дипломатия, отказ от применения силы, стремление к мирному политическому разрешению конфликтов предопределяют в известной степени интерес к изучению опыта малых стран. Снижение способности ведущих великих держав эффективно разрешать конфликты на периферии международной системы, с одной стороны, и с другой — способность малых стран генерировать новые идеи и нормы в международных отношениях — создают предпосылки для дальнейшего возрастания роли малых стран в международных отношениях. Чтобы понять природу международных отношений в целом, формирование и поведение современных коалиций и альянсов в частности, необходимо изучать не только великие державы, но и малые страны, которые составляют подавляющее большинство государств. В данной статье предполагается выявить основные этапы изучения малых стран в международных отношениях, проанализировать основные подходы к определению понятия «малая страна», рассмотреть факторы формирования внешней политики малых стран через призму некоторых теорий международных отношений, выяснить особенности внешнеполитического поведения малых стран в международных отношениях.

Ключевые слова: малые страны, реализм, неореализм, либеральный неинституционализм, социальный конструктивизм.

Введение

Международные отношения обычно представляются в виде хаотического броуновского движения различных акторов либо в виде «концерта великих держав», в котором малым странам отводится довольно скромное место. Великие державы считаются прежде всего с другими великими державами и обычно «замечают» малые страны в связи с разгорающимися время от времени в разных частях земного шара международными кризисами. Так, еще в начале XX в. известный шведский ученый, отец современной геополитики Рудольф Челлен размышлял о диалектике взаимоотношений великих держав и малых стран. Он полагал, что все великие державы экспансивны по своей природе, стремятся разными способами увеличить свою мощь. Вместе с тем стремление сохранить статус-кво в международных отношениях характерно для малых стран. Малые страны в силу своего размера и географического положения обречены на подчинение великим державам. В случае международных конфликтов их роль сводится к тому, чтобы «таскать каштаны из огня для великанов», т. е. для великих держав [1, с. 32]. Спустя 70 лет после Челлена один из основателей неореализма Кеннет Уолтц в своих работах по-прежнему утверждал, что крупные государства обычно доминируют на международной арене. Они создают не только нормы и структуры системы международных отношений, но и иерархии региональной безопасности. Согласно Уолтцу, было бы «нелепо создавать теорию международной политики, основанную на Малайзии и Коста-Рике» [2].

Тем не менее небольшой размер территории вовсе не означает, что у малых стран отсутствует собственная внешняя политика и они исторически обречены плестись в хвосте за великими державами. Город-государство Ватикан, имея территорию всего 0,44 кв. км и занимая 194-е место в мире по площади, оказывает серьезное духовное влияние на миллионы католиков по всем миру. Неоспоримым является его воздействие на некоторые международно-политические процессы в мире. Так, Ватикан сыграл важную роль в консолидации оппозиционного коммунистическому режиму движения в Польше в 1970–1980-е годы. Поддерживаемый Ватиканом польский Костел стал посредником на конференции «круглого стола» между лидерами Польской Объединенной рабочей партии (ПОРП) и оппозиционным движением «Солидарность», обеспечив тем самым мирный переход от авторитаризма к демократии в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

Однако в целом многие эксперты разделяют мнение о том, что политическая наука страдает от непризнанного гигантизма. Как заметили по этому поводу Дж. Корбетт и В. Венендаль, «большинство наших теорий предназначены для того, чтобы объяснять феномены, которые происходят в крупных государствах: США, Китае, Индии, России, большинстве Европейских стран. Если даже малые случаи (малые страны. — *И. Н.*) принимаются во внимание, то только для того, чтобы проверить эти теории. Если они работают, то эти (малые случаи. — *И. Н.*) становятся действительно интересными. Если нет, они часто рассматриваются как аномалии» [3, с. 4].

Отвечая на вопрос, почему политологи-международники уделяют незначительное внимание изучению малых стран в международных отношениях, Ивер Нойманн и Сиглинде Гштэль выделяют несколько причин [4, с. 18–19]. Первая про-

истекает из социологии знаний, поскольку наука о международных отношениях — преимущественно американская дисциплина, а США являются великой державой, супердержавой, отсюда и изучение великих держав считается само собой разумеющимся фактом. Тем не менее это не совсем так. До Второй мировой войны наука о международных отношениях была преимущественно «британской» дисциплиной, Британия до сих пор является одним из важнейших центров развития упомянутой науки. Вторая причина недостаточной изученности малых стран заключается в естественных трудностях, связанных с их изучением. Как в истории проще и интереснее изучать деяния королей, генералов, а не представителей низших классов, так и в международных отношениях рационально исследовать творцов мировой политики, великие державы, а не «пешки» в играх великих держав. Третья причина связана с тем, что ученые, изучающие малые страны, сами часто работают в названных странах и публикуют свои труды на национальных языках. Даже если они публикуются на английском языке, то обычно вне США и Британии, ключевых стран развития науки о международных отношениях. Наконец, это эмпирический уклон. Политологи проявляют интерес к изучению политики великих держав в силу естественной важности предмета изучения, в то время как исследование малых стран этого не дает. Как заметил по этому поводу Роберт Кеохейн, «если лилипуты свяжут Гулливера или заставят его драться за них, их надо изучать так же внимательно, как и гиганта» [5, с. 310]. Если для историков важно обнаружить уникальное в истории, прорабатывая для этого большой эмпирический массив источников, то в науке о международных отношениях большую роль играют обобщение и построение теорий, позволяющих объяснять международные процессы, поведение великих держав на международной арене. По замечанию Дж. Корбетта и В. Венендала, «если антропологи виновны в фетишизации экзотичного, то политологи виновны в фетишизации обычного» [3, с. 4]. Отсюда наблюдается определенное пренебрежение изучением малых и недостаточно влиятельных акторов в международных отношениях.

Тем не менее, если мы хотим понять систему международных отношений во всем ее многообразии, изучение только супердержав и великих держав является недостаточным. Можно выделить несколько причин, почему исследования малых стран представляются сегодня актуальными. Во-первых, подавляющее большинство из почти 200 государств, входящих в систему ООН, являются малыми странами. Во-вторых, на протяжении десятилетий, большинство теорий международных отношений фокусировали свои исследования исключительно на роли сверхдержав и великих держав. Малые страны традиционно игнорировались или их поведение упрощалось. Например, сторонники реализма и неореализма, как правило, утверждали, что малые страны, сталкиваясь с угрозой своей безопасности, непременно должны присоединяться к одной из сверхдержав или региональному блоку. При этом реалисты забывали о том, что существует большое количество государств, которым удавалось сохранить свой нейтралитет в условиях приближающейся опасности, а не принимать сторону одного из участников конфликта. Это противоречие обычно не замечалось приверженцами реализма. Далее, внешняя политика малых стран также часто рассматривалась через призму внешней политики великих держав, что в итоге приводило к искажению понимания внешнеполитического поведения малых стран на международной арене. Наконец, одна из важных тенденций развития международных

отношений во второй половине XX — начале XXI вв. — это возрастание значения малых стран в мировой политике. Из пассивных «пешек» в больших политических играх великих держав они превращаются в активных игроков, способных проводить собственные национальные интересы на международной арене. В данной связи показательна роль Бельгии, Нидерландов и Люксембурга в процессе европейской интеграции, у истоков которой стояли не только такие крупные государства, как Франция, ФРГ и Италия, но и страны Бенилюкса. В период холодной войны европейские нейтральные государства приобрели уникальный опыт плодотворного сотрудничества в международных организациях, мирного посредничества и миротворчества. Многосторонняя дипломатия, отказ от применения силы, стремление к мирному политическому разрешению конфликтов предопределяют в известной степени интерес к изучению опыта малых стран. Распад биполярной системы, снижение способности ведущих великих держав эффективно разрешать конфликты на периферии международной системы, с одной стороны, и с другой — способность малых стран генерировать новые идеи и нормы в международных отношениях — создают предпосылки для дальнейшего возрастания роли малых стран в международных отношениях. В конце концов, чтобы понять природу международных отношений в целом, формирование и поведение современных коалиций и альянсов в частности, необходимо изучать не только великие державы, но и малые страны, которые составляют подавляющее большинство государств.

В связи с этим предполагается выявить основные этапы изучения малых стран в международных отношениях, проанализировать основные подходы к определению понятия «малая страна», рассмотреть факторы формирования внешней политики малых стран через призму некоторых теорий международных отношений, выяснить особенности внешнеполитического поведения малых стран в международных отношениях.

Изучение малых стран в международных отношениях: основные этапы

Европейские, в частности немецкие, исследователи начали изучать малые страны еще в XVIII–XIX вв. Однако небольшие германские государства (Kleinstaaterei) рассматривались ими преимущественно как препятствие на пути процветания и объединения Германии [4, с. 7]. Распад империй после окончания Первой мировой войны привел к увеличению количества малых стран в Европе. Межвоенный период предоставил для внешней политики малых стран новые возможности, в частности они были достаточно активны в рамках Лиги Наций. В течение Второй мировой войны и в первые послевоенные годы изучение проблем безопасности великих держав было приоритетным в научных исследованиях политологов-международников.

Начало развитию собственно научной школе изучения малых стран в международных отношениях положила работа американской исследовательницы Аннете Бейкер Фокс, которая вышла в свет в 1959 г. и была посвящена дипломатии средних и малых стран в период Второй мировой войны [6]. Автор убедительно показала, почему одним малым и средним странам Европы удалось сохранить нейтралитет в течение войны, в то время как другие оказались захваченными агрессором или втянутыми в водоворот военных событий. А. Бейкер Фокс продемонстрировала

важность учета внутренних (например, дипломатические способности правящей элиты) и внешних (в том числе геостратегических) факторов при анализе положения той или иной страны на международной арене. С тех пор изучение малых стран как особая область науки о международных отношениях прошло три основных этапа.

1) 1950–1970-е годы: период расцвета [7, с. 85]. В этот период на развитие исследований малых стран большое влияние оказывали холодная война и процесс деколонизации, в результате которого увеличилось количество малых стран на Африканском континенте и в Юго-Восточной Азии. Доминирующей теорией международных отношений, оказывавшей наибольшее влияние на изучение малых стран, был реализм. Фундаментальный вопрос, который интересовал исследователей малых стран, — это проблема их выживания среди крупных держав. Приоритетными темами для анализа являлись: проблемы безопасности, особенности внешней политики малых стран, малые страны в международных организациях [8–12; 5].

Растущая международная взаимозависимость подняла вопрос о том, как государства с ограниченными ресурсами справляются с издержками зависимости. В этой связи Дэвид Вайтел исследовал «неспособности» (disabilities) и «возможности» (possibilities) малых стран применительно к их размерам и политическим параметрам. Он пришел к выводу, что малые страны, действуя в одиночку, сталкиваются с растущими «издержками» независимости. Они имеют возможность выбрать три стратегии: пассивную стратегию отказа или отрешения; активную стратегию, направленную на изменение внешней среды в свою пользу; или оборонительную стратегию, направленную на сохранение статус-кво (традиционная дипломатия, сдерживание и др.) [13].

Развитие исследований малых стран достигло своего пика в 1970-е годы, когда они стали востребованными не только политологами, но и историками, экономистами. Центр изучения при этом переместился из США в Европу — Германию, Швейцарию, Австрию, Северные страны. Некоторые политологи даже стали говорить о формировании двух школ в изучении малых стран: англосаксонской и скандинавско-германской [4; 14].

2) 1980-е — начало 1990-х годов: период стагнации [7, с. 86]. В это время исследования малых стран переживали период стагнации и упадка, когда многие гипотезы 1960–1970-х годов не получили подтверждения, а некоторые политологи вообще сомневались в том, что данный исследовательский подход может быть продуктивным и полезным для понимания международных отношений. Доминирующими теориями международных отношений, оказывавшими влияние на развитие исследований малых стран, были в то время неореализм, неолиберальный институционализм, теории международной политэкономии. В трудах, посвященных проблематике малых стран, господствовали такие темы, как роль малых стран в международном разделении труда, малые страны и экономическая взаимозависимость, проблемы развития [15–17]. Популярными стали исследования внешней политики малых нейтральных европейских стран, таких как Швейцария, Ирландия, Финляндия, Швеция, Австрия. Позднее ученые стали уделять внимание трансформации внешней политики нейтралов при вступлении в Европейский союз [18; 19].

3) Начало 1990-х — настоящее время: период возрождения [7, с. 86]. Радикальные исторические перемены конца 1980-х — начала 1990-х годов: окончание холод-

ной войны, распад мировой системы социализма, крах СССР и распад Югославской федерации, привели к резкому увеличению количества малых стран и последовавшему за этим всплеску научного интереса к их изучению. Доминирующей теорией международных отношений, которая оказывала влияние на изучение малых стран, стал социальный конструктивизм. В числе приоритетных для исследований тем выделялись такие проблемы, как малые страны в процессах глобализации и регионализации [20; 21]; этнополитические конфликты; малые страны и европейская интеграция; проблемы идентичности; миротворчество малых стран; нормотворческая роль малых стран в международных отношениях и др. [12; 23–25].

Характерными особенностями исследований XXI в. стали: изучение опыта социальных, институциональных и экономических инноваций в малых странах; анализ причин их успеха в сфере IT-технологий; проблематика «мягкой силы» малых государств [26]. Так, Дариус Орнстон в своей монографии попытался объяснить, почему такие малые страны, как Дания, Финляндия и Ирландия, оказались способными успешно конкурировать с великими державами на рынке высоких технологий [27]. В сборнике «Малые страны и международная безопасность», изданном под редакцией К. Арчера, Э. Бейлс и А. Вивеля, авторы обращают внимание на невоенные аспекты безопасности малых стран: экономические, общественные, проблемы охраны окружающей среды [28].

Б. де Карвальо и Ивер Нойманн на основе классического неореализма рассмотрели стратегии, используемые Норвегией для усиления своих позиций в мировой политике: миротворчество и участие в операциях по принуждению к миру; глобальные инициативы в области охраны окружающей среды; вовлеченность в решение международных проблем и взаимоотношения с великими державами (Великобританией) [29].

Расширение географии изучаемых малых стран, включение в орбиту изучения микросоциальных, отказ от европоцентризма также являются характерными особенностями современного этапа развития исследований малых стран в международных отношениях [26; 28; 30]. В частности, Мехмет Камрава в своей книге размышляет об «утонченной силе» (subtle power) малых стран на примере Катара [31]. Несмотря на то что в эмирате проживают всего 280 тыс. граждан, а общая численность населения составляет 1,8 млн человек, в годы правления эмира Хамад бин Халифа аль Тани (1995–2013) Катар приобрел профиль глобального игрока, включенного в «параллельную дипломатию» с такими державами, как США и Иран, а также негосударственными акторами, такими как движения Хамас и «Братья-мусульмане»*. Показательно присутствие эмирата на глобальном медиарынке, благодаря учреждению международной телекомпании «Аль-Джазира». Наконец, Катарское Управление инвестициями (Qatar Investment Authority) активно использует доходы от продажи энергоресурсов для покупки акций крупных корпораций, в глобальной перспективе получая возможность влиять на экономику ряда государств [31].

В конце XX — начале XXI вв. в орбите эмпирического изучения оказались новые независимые государства, образовавшиеся после распада СССР и Югославской федерации [32; 33]. При этом российские исследователи В. А. Смирнов [34; 35], Н. М. Межевич [36; 37], Ю. М. Зверев [38], В. В. Воротников [39; 40], Д. А. Ланко [41];

* Организация признана террористической и запрещена в России.

42], К. К. Худoley [41], В. А. Оленченко [43] особое внимание уделяют странам Прибалтики и Восточной Европы.

Политологи-международники не обходят вниманием и микрогосударства. В частности, Дж. Корбетт и В. Венендаль рассматривают в своей книге «Демократия в малых странах: стойкие вопреки всему» одну из актуальных проблем политической науки — судьбу демократии в XXI в. на примере изучения демократии в 39 государствах с численностью населения менее 1 млн чел. Авторы приходят к спорному утверждению, согласно которому малые страны являются более демократичными, чем крупные государства [44]. Андерс Вивель и Кейджеса Но Эст рассмотрели на основе теории неореализма стратегии безопасности 11 тихоокеанских микрогосударств в контексте военной операции США против Ирака в 2003 г., получившей кодовое название «Иракская свобода» [30]. Авторы попытались объяснить, почему такие микрогосударства, как Республика Маршалловы острова, Микронезия, Палау, Тонга и Соломоновы острова, примкнули к операции «Иракская свобода», в то время как Фиджи, Кирибати, Самоа, Тувалу, Вануату и Науру — нет. В последнее время одной из актуальных проблем является вопрос влияния изменений климата на малые островные микрогосударства, которые в литературе нередко рассматриваются как «барометры климатических изменений» [45; 46].

В целом в XX в. количество исследований, посвященных малым странам в международных отношениях, значительно выросло, однако они по-прежнему страдают от недостатка теоретических обобщений. Большинство исследователей малых стран выбирают в качестве объекта изучения какой-либо уникальный случай, в отрыве от развития теорий малых стран. Даже если в работе развивается концепт «малой страны», редкими бывают компаративные исследования, которые позволили бы обобщить новые знания. Наконец, существует проблема определения понятия «малая страна», основное внимание уделяется изучению характеристик малых стран, вместо того чтобы сосредоточить свое внимание на их поведении, которое является результатом асимметрии власти. В итоге концепции малых стран у исследователей очень разные.

Проблемы определения и классификации малых стран

Политологи, как правило, подчеркивают сложность определения понятия «малая страна» [47, с. 7; 48, с. 670; 49, с. 383; 7, с. 90–91]. В современной научной литературе не выработана строгая система критериев, позволяющая четко разделить страны на крупные, малые и средние. Существует два подхода к дефиниции понятия «малая страна». Первый подход берет за основу количественные показатели, характеризующие размер территории, численность населения, иногда размер валового национального продукта страны. Одним из первых этим вопросом занимался нобелевский лауреат Саймон Кузнец [7, с. 90; 38, с. 183]. Предполагается, что небольшие территория и численность населения определяют малую экономическую активность и слабую обороноспособность. При этом некоторые исследователи считают, что малая страна — это государство, имеющее численность населения до 1 млн чел. [50]. Этот подход, в частности, используется Всемирным Банком, который, правда, в последнее время все же увеличил численность населения малой страны с 1 млн до 1,5 млн человек [51]. Однако абсурдность такого подхода хорошо

видна на примере численности населения Косово, которая составляет 1,9 млн чел.; получается, даже это частично признанное государство больше, чем малая страна.

Таниша Фазал определяет минимум населения, который необходим для того, чтобы считаться государством, — это 500 тыс. жителей [52, с. 17, 249]. Однако в современных условиях численность населения от 500 тыс. до 1 млн человек все же характеризует так называемые микрогосударства. Например, Даг Анкар полагает, что микрогосударством является государство с численностью населения менее 1 млн человек, а Али Насер Мохамед — до 1,5 млн человек [30, с. 453]. При этом в научной литературе отсутствует логичное объяснение того, сколько нужно иметь жителей, чтобы вообще считаться государством, микрогосударством или малой страной.

Д. Корбетт и В. Венендаль делят государства по численности населения на малые — численность населения менее 5 млн человек, средние — между 5 и 35 млн, и крупные страны — более 35 млн человек [3, с. 7]. Р. Пейс полагает, что к категории малых стран следует относить государства с населением менее 10 млн человек [53]. Подобной точки зрения придерживаются российские ученые Ю. М. Зверев и Н. М. Межевич, которые считают малой европейской страной государство с населением менее 9,5–10,5 млн человек [38, с. 182]. Другие — их большинство — высказываются за более высокий показатель численности населения. Так, Дэвид Вайтел вообще предлагает делать различие между экономически развитыми странами и развивающимися: 10–15 млн для развитых стран и 20–30 млн — для развивающихся [54]. Применительно к современной Западной Европе обычно под малой страной понимается государство с численностью населения 15–16 млн человек [7, с. 90; 48, с. 670]. При этом важно учитывать историческую обусловленность количественных показателей численности населения: двести лет назад численность населения Англии едва превышала 15 млн человек, в то же время сегодня население Нидерландов составляет более 17 млн.

Критерий размеров территории в меньшей степени подвержен историческим изменениям. Однако освоение необжитых районов, технологии намывных территорий могут значительно расширять исходные площади, занимаемые той или иной страной, как это имеет место с Нидерландами или Сингапуром. Миграционные и демографические тенденции также вносят серьезные коррективы в определение численности населения малой страны.

Акцент на абсолютные размеры территории и численности населения является не совсем удобным критерием для определения категории «малая страна», тем более для изучения и понимания малых стран, их внешней политики, поведения на международной арене. Чтобы найти решение проблеме определения, необходимо переместить фокус внимания от материальной составляющей мощи государства на роль, которую оно играет в международных отношениях. В этой связи гораздо более важными представляются качественные подходы (политические, экономические, исторические, когнитивные и др.) к определению малых стран. При этом государство может быть слабым в одном отношении, но одновременно могущественным в другом. Как заметили Ханс Моуритцен и Андерс Вивел, «сила выясняется в отношениях между одним или больше полюсами и государствами, поведение которых мы хотим объяснить» [55, с. 3–4].

При определении понятия «малая страна» следует учитывать как количественные, так и качественные показатели. Исходя из этого, российские исследователи

Ю. М. Зверев и Н. М. Межевич предлагают следующее определение малой европейской страны — это «международно признанное государство с населением менее 9,5–10 млн человек, политика и экономика которого характеризуется тесными связями с соседствующими и удаленными странами, экономическими союзами, значимостью в отдельных, в ряде случаев ключевых, секторах региональной и глобальной экономики» [38, с. 182–183]. Автор данной статьи исходит все же из более высоких показателей численности населения, применительно к Европе — малой страной можно считать государство, имеющее небольшую территорию и численность населения менее 15–16 млн чел.

Однако одни только количественные показатели могут ввести в заблуждение. Примером может служить Республика Беларусь, занимающая 84-е место в мире по территории и имеющая население менее 10 млн чел. По численности населения — это малая страна, но по обороноспособности, обладанию властью и проекции власти на международные региональные отношения и др. — это средняя страна. Важно также учитывать такие качественные показатели, как положение государств в системе мировой экономики и политики, степень их политической и экономической независимости. В данной связи Нил Джесс и Джон Дрейер дают следующую классификацию стран по таким критериям, как обладание властью и проекция власти:

— супердержава — это государство, которое никогда не бывает слабым, чтобы взаимодействовать с другими на глобальном, региональном и субрегиональном уровнях;

— великая держава — это государство, которое слабее, чем супердержава на глобальном уровне, но сильнее, чем невеликие державы, на глобальном, региональном и субрегиональном уровнях;

— среднее государство — это слабое государство на глобальном уровне, слабее, чем великие державы на региональном уровне, но сильнее, чем другие державы, на региональном и субрегиональном уровнях;

— малая страна — это слабое государство на глобальном и региональном уровнях, но сильное на субрегиональном уровне;

— микрогосударство — это государство, которое является слабым на всех уровнях и имеет дело на равных с другими микрогосударствами [47, с. 10].

Применительно к Западной Европе эта классификация выглядит следующим образом:

— супердержава: нет;

— великие державы: Германия, Великобритания, Франция;

— средние страны: Италия, Испания;

— малые страны: Нидерланды, Бельгия, Греция, Португалия, Швеция, Австрия, Дания, Финляндия, Ирландия, Люксембург;

— микрогосударства: Ватикан, Сан-Марино, Андорра, Мальта, Лихтенштейн, Монако.

При этом следует иметь в виду, что любая классификация имеет прикладной характер и призвана помочь в изучении конкретных случаев, взятых в региональном измерении. Например, применительно к региону Южной Америки картина может выглядеть следующим образом:

- супердержава — нет;
- великая держава — Бразилия;
- средние державы: Аргентина, Перу, Венесуэла, Чили, Эквадор;
- малые страны — Боливия, Парагвай, Уругвай;
- микрогосударства — Гайана, Суринам, Французская Гвинея [47, с. 12].

Прикладной характер классификаций доказывает такой неудобный случай, как Бангладеш — самая густонаселенная страна, занимает восьмое место в мире по численности населения. В упомянутом государстве проживает около 172 млн жителей. При этом Бангладеш имеет низкие экономические показатели, занимая 138-е место в мире по показателю ВВП на душу населения, военная составляющая мощи государства, по сравнению с другими странами, а также степень влияния на международные отношения также незначительны. Если бы Бангладеш был расположен в Центральной Америке, он мог бы доминировать в регионе, но его расположение в Южной Азии, где есть такие мощные державы, как Китай и Индия, согласно сравнению качественных показателей позволяет относить его, как ни странно, к числу малых стран [47, с. 13]. Таким образом, чтобы понять «малость» (smallness), важно учитывать качественные показатели и региональный контекст.

Внешняя политика малых стран сквозь призму теорий международных отношений

В научной литературе существует довольно много теоретических подходов к изучению факторов формирования внешней политики государств. Остановимся более подробно на трех из них. Первый — теории реализма. Как известно, реалисты (неореалисты) считают государства главными акторами в мировой политике, а природа международной системы способна, по их мнению, оказывать главное влияние на внешнюю политику каждого государства [2, с. 121–122; 56, с. 35–36]. Государство прежде всего ответственно за свое выживание. Исходя из этого реалисты фокусируют свое внимание на способности страны обеспечить безопасность и выживание внутри глобальной системы государств, каждое из которых преследует свои собственные национальные интересы.

Для реалистов (неореалистов) мерой малой величины, или «малости» (smallness), в международных отношениях является сила, определяемая как способность государства влиять на международную систему. В такой системе слабое в военном отношении государство имеет очень мало возможностей для индивидуального влияния, за исключением его ценности как союзника или потенциального союзника великой державы. Из этого следует, что подобные государства в своей внешней политике обычно выбирают союз с великой державой, союз с другими малыми странами, сохранение нейтралитета или участие в Движении неприсоединения, как это было в период холодной войны [26, с. 408].

В рамках теории реализма главным фактором считается военная мощь, которая определяет уровень влияния страны на международные процессы. Мощь, или сила, государства понимается как материально измеримая категория, в терминах количества оружия, самолетов, солдат, размера территории или ВВП. Незначительный военный потенциал, не позволявший обеспечить безопасность государства,

являлся критерием для определения малой страны. Так, согласно точке зрения одного из сторонников данного подхода Роберта Ротштейна, малая страна — это «государство, которое признает, что не в состоянии обеспечить свою безопасность исходя из собственных ресурсов и возможностей, поэтому оно возлагает надежды на содействие других государств и международных институтов» [8, с. 29–30]. Во многом созвучное определение малой стране дает В. А. Смирнов, делая акцент на факторе безопасности: «...малая страна — это государство, которое в силу ограниченности ресурсов неспособно самостоятельно обеспечить свою военную и экономическую безопасность, в связи с чем вынуждено вступать в асимметричные отношения, полагаясь на поддержку крупных держав или межгосударственных объединений» [35, с. 45].

Второе направление — это либеральная (неолиберальная) теория. Полагая, что государство не является единственным участником международных отношений, сторонники неолиберальной парадигмы в международных отношениях уделяют особое внимание изучению таких нетрадиционных акторов, как транснациональные корпорации, международные организации, террористические и криминальные организации, роли индивидов в международных отношениях и др. Важнейшим условием достижения международной стабильности, мирового порядка и социального прогресса является, по их мнению, развитие международного сотрудничества, которое также способствует росту экономического благополучия.

В отличие от реалистов, которые предпочитали делить страны между собой исключительно на основе фактора военной мощи, представитель неолиберального институционализма Роберт Кеохейн фокусирует свое внимание на системной роли, которую играют государства на международной арене. Вместо традиционного деления стран на сверхдержавы, великие, средние и малые страны Кеохейн выделил группы на основе их внешнеполитического влияния на мировой арене. Первая группа — это «определяющие систему» (system-determining) государства, которые играют решающую роль в формировании системы международных отношений, например две супердержавы — СССР и США — в условиях биполярной системы. Вторая категория — «влияющие на систему» (system-influencing) государства, которые не надеются на индивидуальное доминирование в международной системе, но, несмотря на это, способны существенно влиять на ее природу как своими односторонними, так и многосторонними действиями. Третью категорию образуют «затрагивающие систему» (system-affecting) государства, лидеры которых не питают надежды на оказание серьезного влияния на международную систему, действуя в одиночку, однако данные государства способны влиять на мировую политику, работая в небольших группах или союзах, а также продвигать свои интересы через универсальные и региональные международные организации. Наконец, к четвертой группе относятся «не влияющие на систему» (system-ineffectual) государства, лидеры которых стараются быть в стороне от мировой политики, их усилия не влияют на международную систему, а внешняя политика подобных государств часто находится под воздействием государств более крупных [5, с. 295].

Несмотря на критику реалистов, Кеохейн согласен с Ротштейном в том, что при определении малой страны необходимо принимать во внимание и когнитивное измерение, в том числе критерий самоидентификации правящей элиты. Согласно Кеохейну, «малая страна — это государство, лидеры которого считают, что

оно никогда не сможет, действуя в одиночку или в малой группе, оказать существенное влияние на систему» [5, с. 296]. Однако это определение не объясняет различий между микрогосударствами, малыми и средними странами. Ясно одно: определения, которые базируются на субъективных факторах (восприятие власти, силы), должны учитывать и объективные факторы (материальные, количественные аспекты власти), и наоборот.

На рубеже XX–XXI вв. определенную популярность приобрели в рамках неолиберализма теории, которые особое внимание уделяют внутренним факторам формирования внешней политики страны. Внутренние факторы включают в себя внутренние политические институты, экономические интересы, общественное мнение и др. Успех или неудача каждой из этих внутренних сил в воздействии на государственные институты и государственную политику влияет на выбор внешней политики страны [47, с. 40].

Реалисты считают главным актором мировой политики государство. Они заложили в фундамент своих исследований подход, согласно которому внешняя политика стран является ответом на возникающие угрозы. Однако подобный подход, с точки зрения неолибералов, является довольно упрощенным и упускает множество важных факторов. Внешняя политика любого государства является продуктом взаимодействия между мощными социальными группами [47, с. 40; 57, с. 181]. Соперничество между внутренними акторами за право влияния на внешнюю политику ведется с помощью политических институтов, таких как парламент, суды, экономические рынки и др. Из-за различий политических акторов появляются и разные взгляды на проведение внешней политики, опирающиеся на интересы конкретных групп.

Трудно перечислить количество внутренних акторов, которые могут влиять на внешнюю политику страны. Это и различные общественные группы (общественные движения, этнические группы, организации и ассоциации), и политические партии, формальные институты (парламент, суды), и экономические факторы различных уровней (корпорации, частный бизнес), а также индивидуальные акторы различных типов (политики, активисты, публичные личности). Нил Джесс, Кристен Вильямс и Джон Дрейер делают акцент на трех ключевых элементах внутренних акторов: интересы, сила, организация [47, с. 41]. Интересы — это цели, которых актер пытается достичь. Соперничество институтов за власть и принятие важнейших политических решений влечет за собой всегда победу одной из сторон, которая, придя к власти, ставит в качестве государственных интересов свои собственные. Сила определяет распределение имеющихся ресурсов у каждого из акторов. Сила не является единообразной для всех участников, у каждого она своя и проявляется в разных формах. Например, армия имеет огромное количество оружия, общественное движение объединяет огромное количество людей, а корпорация сильна своими финансовыми возможностями. Любой актер может иметь симбиоз вышеперечисленных возможностей, включая политическую силу. Хорошо организованная группа может использовать все свои возможности для продвижения или навязывания своих интересов. Организация отражает внутреннюю структуру акторов. Хорошо организованная группа способна мобилизовать ее силу и добиваться реализации ее интересов. Сторонники теории внутренних факторов считают, что именно они являются ключевыми

в выборе внешнеполитического курса любой малой страны. Соперничество за контроль над государством определяет в итоге, интересы какого актора станут государственными интересами [47, с. 41]. Таким образом, внешняя политика подчиняется внутренним факторам, а не структуре международных отношений, как писали об этом реалисты.

Очевидно, что внутренние факторы в малых странах действительно играют важную роль в формировании внешней политики. Дрейер и Джесс изучили влияние внутренних факторов, таких как общественное мнение и роль политических лидеров, на внешнеполитический выбор малых стран, используя в качестве примеров Ирландию и Швейцарию [58; 59; 47, р. 41]. Беньямин Акцин показывает важность внутренних факторов при формировании внешней политики на примере трех Прибалтийских стран в конце 1930-х годов. На первый взгляд кажется, что лучшей теорией для объяснения их внешней политики является реализм. Само по себе геополитическое положение — нахождение между двумя великими державами — гитлеровской Германией и СССР — являлось главным фактором формирования их внешней политики. Однако Б. Акцин все же полагается на внутренние факторы для объяснения внешней политики трех Прибалтийских государств. Так, с точки зрения реализма, для Литвы было бы лучше стать союзником Польши, но исторические противоречия между двумя странами привели к тому, что литовские лидеры отвергали любые варианты примирения. Кроме того, укоренившийся национализм в балтийских сообществах, по мнению автора, играл доминирующую роль в определении внешнеполитического выбора [47, с. 43]. О. Кнудсен также в своей работе показывает приоритет внутренних факторов при формировании внешней политики стран Балтии, которые в итоге вели эти страны в направлении, не предусмотренном реалистскими теориями [32].

В целом теоретический подход, согласно которому внутренние факторы являются источником формирования внешней политики, внешнеполитического выбора малых стран, является довольно популярным среди исследователей малых стран. При этом он не превратился в теорию, которая могла бы конкурировать с теорией реализма. Сторонники изучения внутренних факторов обычно делают акцент на двух положениях. Во-первых, внешнеполитический выбор малых стран сдерживается недостатком внутренних институтов. Внешнеполитический выбор малых стран часто является ограниченным вследствие недостатка внутренних способностей развивать последовательную внешнюю политику. Во-вторых, изменения во внутренних акторах, в частности тех, кто может захватить власть, нередко прямо ведут к изменениям во внешней политике.

Третий подход, который является в настоящее время популярным среди политологов-международников, — это социальный конструктивизм с его акцентом на нормах и идеях. Социал-конструктивистская теория подчеркивает способность государств внутри международной системы продвигать свои интересы в сфере безопасности благодаря созданию и развитию международных норм [60]. Нормы определяются как некие стандарты принятого поведения акторов, у каждого из которых есть своя идентичность. Нормы создаются на основе эволюции прецедентов, исторической практики и международного права. Формирование норм, правил и общее понимание глобального контекста влияют на развитие идентичности наций [61].

Социальное взаимодействие и идеи конструируются главным образом на основе материальной силы и государственного интереса, но это взаимодействие само по себе существует отдельно от названных фундаментальных реалистских элементов. Идентичность и интересы, по мнению А. Вендта, формируют поведение государства, при этом международные организации играют роль «учителей» государств нормам того, как должно выглядеть международное сообщество, т. е. нормы распространяются на все страны с помощью международных организаций.

Социальный конструктивизм отвергает предположение реалистов о примате материальных факторов, вместо этого заменяет их идентичностью и интересами. Более того, идентичность и интересы создаются в ходе длительных исторических процессов, как внутренних, так и процессов взаимодействия с международной системой. Александр Вендт утверждал, что социальные ассоциации «определяются преимущественно общими идеями, чем материальными силами». Социальное взаимодействие индивидуумов ведет к конструированию общих интересов и идентичности скорее, чем вытекающие из естественной, эндогенной силы или из универсальной, экзогенной силы [60, с. 1–7].

Общие интересы и идентичность помогают формировать разделяемые всеми дискурсы истории, языка и социального поведения. Эти атрибуты конструируют коллективные смыслы, которые определяются понятием «культура». Культура, в свою очередь, определяет общие нормы поведения. Эти нормы не создаются в пустом пространстве, скорее являются продуктом конкуренции среди соревнующихся норм. Доминирующие нормы институционализируются и интернационализируются. Институционализированные нормы создают перспективу, через которую государство может разглядеть действия и мотивы других государств. Более того, поскольку каждое государство имеет собственный набор норм и ценностей, оно вырабатывает уникальное видение других государств, которое отражается на взаимодействии государств. Таким образом, международная система, по мнению конструктивистов, не является «естественно» анархичной, скорее система анархична потому, что основанное на убеждениях и идентичностях взаимодействие государств конструирует анархичное пространство [47, с. 46].

Противопоставляя себя неореалистам и неолибералам, социальные конструктивисты выдвигают положение, согласно которому при изучении внешней политики необходимо учитывать не только традиционные (преимущественно материальные) атрибуты власти, но также дискурсивную власть. Под последней понимается власть, которая обеспечивается знаниями, культурой, идеологией, риторикой.

Конструктивисты утверждают, что проблема мира и войны зависит от различий в идентичности: степени близости культур и общественной практики людей, народов, государств. В этой логике повестка политики безопасности меняется в зависимости от изменений идентичности. Конструктивисты вместо четкой фиксации содержания понятия безопасности предпочитают говорить о том, как ее восприятие постоянно меняется в обществе.

В данной связи политологи-конструктивисты Ханс Лёден, Кристина Агус, Карен Девайн особое внимание уделяют изучению эволюции норм, нормотворчеству, развитию норм и их замене в малых странах [61; 62]. Так, важным в дискуссии о нормах представляется то, что в ряде случаев малое государство создает нормы (например, нейтралитет), признание которых становится повсеместным

в международной системе. Нормотворчество поднимает вес и репутацию малой страны, а также информирует другие страны о намерениях и поведении данной страны на международной арене, делает внешнюю политику упомянутой страны предсказуемой. В качестве примеров конструктивистских исследований можно привести работы Карен Девайн, которая применяет теорию социального конструктивизма в отношении малых стран на примере внешней политики Ирландии [63]. Нил Джесс добавляет социал-конструктивистские аргументы при исследовании идентичности в ситуации внешнеполитического выбора Ирландией нейтралитета. Он, в частности, показывает, что Ирландия выбрала путь нейтралитета, чтобы обеспечить свою идентичность, отдельную от Великобритании [58]. Согласно Л. Гетчел, швейцарская идентичность, являющаяся проводником международного миростроительства, со временем превратилась в производителя международных норм [64].

Упомянутые идеи нашли свое развитие в работах А. Бьёркдаль [65] и К. Ингебритсен [66]. Так, А. Бьёркдаль показала, как малые государства в Европейском союзе могут стать известными благодаря выработке внутренних норм, продвигаемых затем на международный уровень. В ЕС распространена практика распространения внутренних норм, разработанных внутри одного государства, на все страны объединения.

Кристина Агус обращается к социал-конструктивизму, изучая нейтралитет Швеции. Она пытается объяснить выносливость шведского нейтралитета на большом историческом отрезке, на протяжении двух столетий, с начала XIX до начала XXI в., полагая, что нейтралитет сыграл огромную роль в формировании внутренней и внешней идентичности Швеции [67, с. 5, 61–62].

Исследуя взаимосвязь между реалистическими прогнозами и социал-конструктивистской теорией на примере датской внешней политики, Расмус Брун Педерсен пришел к выводу, что внешние факторы являются важными для изменений во внешней политике малых государств, но не могут считаться достаточными для объяснения конкретной стратегии изменений, сформулированной национальным правительством. Например, с концом биполярного конфликта структура международной системы изменилась. Вследствие чего, с точки зрения реалистов, должна была измениться и датская внешняя политика, ранее направленная на лавирование между супердержавами. Но этого не произошло. Педерсен показал, что Дания изменила степень своих адаптационных стратегий, но не поменяла фундаментально свои внешнеполитические подходы и цели [68].

Э. Бергманн, опираясь на исследования Педерсена, применяет социал-конструктивистскую теорию к Исландии. Он утверждает, что национальная самобытность и чувство формальной суверенности лежат в основе внешней политики страны. В частности, «треугольник» между Исландией, ЕС и ее бывшими колонизаторами (Норвегия и Дания) сформировал особую идентичность страны, которая направлена на отстаивание собственной независимости [69].

Развивая конструктивистский подход, Кристофер Браунинг показывает в своем исследовании, как «малость» не является синонимом слабости в международных отношениях. Малую величину государства можно использовать в позитивном ключе при конструировании национальной идентичности. В качестве примера Браунинг использует случай Финляндии, когда финские политики сделали акцент

на продвижении образа Финляндии как инновационного государства, усилившего свою роль в международных отношениях благодаря своей «умной» силе [48].

Важно отметить: социал-конструктивисты в своих исследованиях пришли к выводу, что государства автоматически не меняют свою внешнюю политику вследствие изменений в структуре международных отношений. Например, окончание холодной войны не повлекло за собой автоматической отмены политики нейтралитета европейскими нейтралами. Наоборот, они ее трансформировали в соответствии со сложившейся реальностью, что демонстрирует актуальность исследований социал-конструктивистов. Какие из вышеперечисленных теорий лучше объясняют поведение малых стран на международной арене, зависит от конкретных случаев и от задач, которые ставит перед собой исследователь. В последнее десятилетие, наряду с популярностью теорий социального конструктивизма, «второе дыхание» приобретают неореалистские подходы [29; 30].

Некоторые особенности поведения малых стран на международной арене

В исследованиях малых стран на основе конкретных случаев выявлены типичные черты поведения малого государства. Выделим некоторые из них.

Во-первых, ограниченность свободы действий малых стран на международной арене гораздо больше, чем у великих держав [70, с. 18].

Во-вторых, приоритетом великой державы является политика безопасности, для малой страны такой приоритет — это внешнеэкономическая политика государства. Малые страны, как правило, имеют ограниченные ресурсы и зависят от импорта сырья; чтобы выдержать конкуренцию с великими державами на мировых рынках, они обычно специализируются на выпуске определенной продукции, заполняя соответствующую нишу в мировой экономике. Приоритетное сосредоточение на решении экономических проблем дает хороший результат для внутренней стабильности общества. Р. Ротштейн отмечал, что малые государства в противоположность великим державам «по существу “удовлетворенные” страны», поэтому им не нужно что-то менять. Они стремятся к сохранению статус-кво в международных отношениях [8, с. 29].

В-третьих, внешнеполитическая активность малых стран в большинстве своем имеет региональную направленность. Конечно, малые страны имеют не только региональные интересы, но их внешняя политика концентрируется в первую очередь на их соседях, крупных державах, торговых партнерах и международных организациях. Именно поэтому внешняя политика малых стран носит региональную направленность. При этом малая страна не может игнорировать интересы соседних великих держав [70, с. 18; 21, с. 54]. Для сравнения, если Россия, к примеру, могла игнорировать интересы Финляндии, то Финляндия во имя своей национальной безопасности должна была считаться с интересами своей восточной соседки. От того, насколько финская правящая элита осознавала данный факт и считалась с ним при формировании своей внешней политики, зависело как выживание нации, так и успешное экономическое развитие. Как заметил финский профессор Тимо Вихавайнен, «отношения с соседним Российским гигантом являлись вопросом жизни и смерти для Финляндии на протяжении столетий. С другой стороны, с финской

точки зрения, эти отношения временами также были историей успеха» [71, с. 28]. Особый характер российско-финских отношений получил название «финского парадокса», сущность которого можно определить как создание беспроигрышной, взаимовыгодной ситуации, когда Россия/СССР могла быть уверенной в лояльности Финляндии в отношении своих законных интересов безопасности. В ответ Россия/СССР не вмешивалась во внутренние дела Финляндии и позволяла большую свободу маневра во внешней политике — чем больше было доверие к Финляндии в Москве, тем больше Финляндия имела свободы маневра на Западе [71, с. 31].

В-четвертых, исследователи также отмечают, что малые страны не в состоянии собрать и переработать одинаковое с великими державами количество информации. Это положение трактуется некоторыми авторами как недостаток. Так, М. Ист считает, что малые страны могут оказаться втянутыми в международный конфликт по неосторожности, поскольку из-за недостатка информации вовремя не заметят сигналов приближающегося кризиса [70, с. 18–19]. Другие, наоборот, видят в этом больше преимуществ. Например, С. Цибрандт и М. Хандель полагают, что фокусирование и сбор информации по ограниченному кругу вопросов внешней политики облегчает процесс принятия продуманных внешнеполитических решений [21, с. 54; 15, с. 42].

Наконец, предпочтительной международной обстановкой для малой страны является функционирующий баланс сил. Если малая страна чувствует, что этот баланс стал нестабильным и может быть разрушен, то она «ищет убежища» в тени сильнейшего. Малая страна «не может себе позволить стоять на стороне проигрывающего» [21, с. 58]. Поэтому возможной стратегией выживания малой страны может стать присоединение к одерживающему победы военно-политическому союзу или проведение политики нейтралитета, благожелательной по отношению к победителю. В условиях дестабилизации баланса сил малая страна содействует дальнейшему дисбалансу системы. Это означает, что малые страны начинают «толпиться» вокруг сильнейшего государства, нередко противодействуя стратегии великих держав, направленной на сохранение равновесия сил. По иронии судьбы, страны, отрицающие насилие как средство разрешения конфликтов, могут сами вольно или невольно действовать, по словам С. Цибрандта, как генераторы войны [21, с. 60; 70, с. 19].

Бывают и случаи, когда борьба малых стран за повышение своей значимости в международных отношениях приводит к созданию новых конфликтных полей между великими державами. Так, правящие элиты стран Прибалтики, нагнетая истерию вокруг «угрозы с Востока», тем самым постоянно напоминают о собственной значимости в глазах США. Как заметил по этому поводу В. А. Смирнов, «малые страны способны к более оперативной концентрации сил и средств на одном или нескольких ключевых направлениях. Это позволяет им играть на внешнеполитической конъюнктуре (даже если последствия таких шагов не просчитаны в должной мере), «питаться» от нее, подчас сознательно добиваясь формирования «конфликтных узлов» в отношениях между крупными игроками» [34, с. 50].

Заключение

Изучение малых стран продолжает оставаться сравнительно молодым научным направлением, занимая тем не менее свою нишу в теориях международных отношений (ТМО). Эта ниша имеет значительный потенциал для дальнейших исследова-

ний — как отдельных малых стран, так и теоретических аспектов ТМО. Требуется дальнейшее изучение проблем определения и классификаций малых стран, стратегии усиления их влияния в международных отношениях, преодоление европоцентристского подхода в изучении малых стран. При этом нужно понимать, что малые страны — это отнюдь не «миниверсии» больших государств. Они могут иметь разные цели, стратегии развития и усиления своей роли в международных отношениях.

Можно выделить следующие факторы, определяющие поведение малых стран с точки зрения теорий международных отношений. Так, реалисты считают, что изменения в международной системе ведут к изменениям во внешней политике, которые могут быть связаны со следующими обстоятельствами: уменьшение или увеличение силы государства; изменение (увеличение или уменьшение) способностей соседней страны; увеличение или уменьшение угрозы со стороны соседних государств; изменение полярности мирового порядка; изменения в глобальной или региональной гегемонии.

Сторонники внутриполитической теории, напротив, подходят к изучению внешнеполитического курса малой страны в свете внутренних факторов. Так, представители данного подхода считают, что ключевыми факторами, которые ведут к смене внешней политики, являются внутренние. При этом они отмечают, что любые изменения во власти за счет прихода новых сил ведут к смене внешнеполитического курса, который основан на интересах ведущих акторов. Эти изменения могут происходить в результате смены правительства и правящих партий, изменений во внутренних институтах государства, вмешательства неправительственных акторов в принятие политических решений, а также благодаря общественному мнению.

Социальный конструктивизм более детально подходит к изучению механизмов формирования внешней политики и роли малых стран в международных отношениях. Конструктивисты, как и реалисты, подходят к изучению международных отношений с точки зрения структуры, однако, в отличие от первых, указывают на то, что сами страны способны изменить структуру мировой политики. Изменения в нормах или идентичности ведут к изменению внешней политики. У каждого актора есть своя идентичность, изменение или отказ от которой приводит к переменам внешнеполитической линии страны. Эти изменения появляются вследствие следующих причин: начало или окончание действия существующих норм; развитие новой идентичности; перемены в действующей идентичности. Конструктивисты также впервые добавляют мысль о том, что именно международные нормы должны регулировать международные отношения. Нормы создаются самими государствами, а также на основе эволюции прецедентов.

В том, что великие державы и малые страны располагают в своих действиях на международной арене неодинаковыми возможностями, нет ничего удивительного. Подобный порядок возник еще в глубокой древности. Однако история также показывает, что существуют разные модели внешнеполитического поведения малых стран. Одни страны, осознавая свою полную зависимость от великих держав, целиком сосредотачиваются на внутренних проблемах, замыкаются в своем изоляционизме и проводят пассивную внешнюю политику. Другие считают себя слабыми «великими державами», но достаточно сильными, чтобы активно участвовать в региональных процессах. Третьи не говорят ни о силе, ни о слабости, подчеркивая прежде всего отличие своей внешней политики от политики традиционных

великих держав. При этом они стремятся к тому, чтобы быть активными акторами на международной арене, продумывая различные стратегии для усиления своих позиций. Поведение, в частности, Скандинавских стран на международной арене, показывает, как слабость и недостаток материальных ресурсов могут быть компенсированы «умной силой» правящей элиты, которая в состоянии разработать адекватные стратегии виртуального расширения возможностей малого государства. Как заметил М. Хандель, «хотя малые страны часто более уязвимы, чем великие державы, но они не беспомощны».

Литература

1. Kjellen, R. (1917), *Studien zur Weltkrise*, München: H. Bruckmann.
2. Waltz, K. (1979), *Theory of International Politics*, New York: McGraw Hill.
3. Corbett, J., and Veenendaal, W. (2019), Why Small States are Beautiful, *Political Insight*, vol. 10, no. 1, pp. 4–8.
4. Neumann, I. B., and Gstöhl, S. (2004), *Lilliputians in Gulliver's World? Small States in International Relations*, Centre for Small State Studies, Institute for International Affairs, University of Iceland.
5. Keohane, R. (1969), Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics, *International Organisation*, vol. 23, no. 2, pp. 291–310.
6. Baker Fox, A. (1959), *The Power of Small States: Diplomacy in the World War II*, Chicago: Chicago University Press.
7. Кузьмин, Ю. С., и Новикова, И. Н. (2008), *Новейшая история малых и средних стран Европы*, СПб.: Изд-во СПбГУ.
8. Rothstein, R. (1968), *Alliances and Small Powers*, New York: Columbia University Press.
9. Höll, O. (1978), Kritische Anmerkungen zur Kleinstaaten-Theorie, *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft*, vol. 7, no. 3, S. 259–273.
10. Höll, O. (1983), *Small States in Europe and Dependence*, Wien: W. Braumüller.
11. Frei, D. (1975), *Strategien zum Umgang mit Abhängigkeit: Kleine Studien zur Politischen Wissenschaft*, Zürich: Forschungsstelle fuer Politische Wissenschaft an der Universitaet.
12. Vogel, H. (1979), *Der Kleinstaat in Weltpolitik: Aspekte der schweizerischen Aussenbeziehungen in internationalen Vergleich*, Freudenfeld: Huber.
13. Vital, D. (1971), *The Survival of Small States: Studies in Small Power / Great Power Conflict*, Oxford: Oxford University Press.
14. Christmas-Møller, W. (1983), Some Thoughts on the Scientific Applicability of the Small State Concept: A research History and a Discussion, in: Höll O., *Small States in Europe and Dependence*, Wien: W. Braumüller, pp. 35–53.
15. Handel, M. (1981), *Weak States in the International System*, London: Frank Cass.
16. Katzenstein, P. (1985), *Small States in World Markets: Industrial Policy in Europe*, Ithaca: Cornell University Press.
17. Alapuro, R., Alestalo, M., Haavio-Mannila, E., and Väyrynen, P. (1985), *Small States in Comparative Perspectives*, Oslo: Norwegian Univ. Press.
18. Karsh, E. (1988), *Neutrality and Small States*, New York: Routledge.
19. Aguis, C. (2011), Transformed Beyond Recognition? The Politics of Post-Neutrality, *Cooperation and Conflict*, vol. 46, no. 3, pp. 370–395.
20. Thorhallson, B. (2000), *The Role of Small States in the European Union*, Aldershot: Routledge.
21. Gstöhl, S. (2002), *Reculant Europeans: Norway, Sweden, and Switzerland in the Process of Integration*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
22. Zibrandt von Dosenrode-Lyng, S. (1993), *Westeuropäische Kleinstaaten in der EG und EPZ*, Zürich: Verlag Rüegger.
23. Björkdahl, A. (2002), *From Idea to Norm: Promoting Conflict Prevention*, Lund: Lund Political Studies.
24. Ingebritsen, C. (2002), Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics, *Cooperation and Conflict*, vol. 37, no. 1, pp. 11–23.
25. Novikova, I. (2007), Transformation of Finland's Policy towards Russia in the Post-Cold War Period, in: Katsy, D. (ed.), *International Relations: from Local Changes to Global Shifts*, St Petersburg: St Petersburg University Press, pp. 94–106.

26. Braberoy-Wagner, J. (2010), Opportunities and limitations of the exercise of foreign policy power by a very small state: the case of Trinidad and Tobago, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 23, no. 3, pp. 407–427.
27. Ornston, D. (2012), *When Small States Make Big Leaps: Institutional Innovation and High-Tech Competition in Western Europe*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
28. Archer, C., Bailes, A. J. K., and Wivel, A. (2014), *Small States and International Security: Europe and Beyond*, Abingdon: Routledge.
29. Carvalho, B., and Neumann, I. B. (2014), *Small State Status Seeking: Norway's Quest for International Standing*, Abingdon: Routledge.
30. Wivel, A., and Oest, K. J. N. (2010), Security, profit or shadow of the past? Explaining the security strategies of microstates, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 23, no. 3, pp. 429–453.
31. Kamrava, M. (2013), *Qatar: Small States, Big Politics*, Ithaca, New York, London: Cornell University Press.
32. Knudsen, O. (1993), The Foreign Policies of Baltic States: Interwar Years and Restoration, *Cooperation and Conflict*, vol. 28, no. 1, pp. 47–72.
33. Рцхиладзе, Г. В. (2018), Фактор внешнего авторитета для «малых» государств и интеграция на постсоветском пространстве, *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, т. 18, № 1, с. 33–48.
34. Смирнов, В. А. (2014), К вопросу о роли малых стран в процессе реструктурирования постсоветского пространства (на примере Прибалтики), *Балтийский регион*, № 4, с. 48–58.
35. Смирнов, В. А. (2016), Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России, *Современная Европа*, № 5, с. 44–54.
36. Межевич, Н. М. (2018), Государства Прибалтики и ЕС, *Европейский Союз: факты и комментарии*, № 90, с. 39–41.
37. Межевич, Н. М., и Новикова, И. Н. (2016), Финляндия и НАТО: как забвение уроков прошлого может привести к их повторению, *Управленческое консультирование*, № 4 (88), с. 27–39.
38. Зверев, Ю. М., и Межевич, Н. М. (2019), Подходы к типологии малых европейских государств на примере Эстонии, Латвии, Литвы, *Полис*, № 5, с. 181–191.
39. Воротников, В. В. (2015), *Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века*, М.: Аспект-Пресс.
40. Воротников, В. В., и Габарта, А. А. (2021), Государства Западных Балкан в эпоху трансформаций: европейский выбор и российские интересы, *Современная Европа*, № 1 (101), с. 62–73.
41. Худoley, К. К., и Ланко, Д. А. (2019), Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 3, с. 13–20.
42. Ланко, Д. А., и Долженкова, Е. (2015), Латвия в территориальной системе европейской безопасности: взгляд изнутри и извне, *Балтийский регион*, № 1 (23), с. 73–88.
43. Оленченко, В. А. (2019), Северная Европа — Прибалтика — Вышеградская группа: сосуществование или взаимодействие, *ЭНОЖ «История»*, т. 10, вып. 7 (81), с. 21.
44. Corbett, J., and Veenendaal, W. (2018), *Democracy in Small States: Persisting Against All Odds*, Oxford: Oxford University Press.
45. Klöck, C., and Nunn, P. D. (2019), Adaptation to Climate Change in Small Island Developing States: A Systematic Literature Review of Academic Research, *Journal of Environment and Development*, vol. 28, no. 2, pp. 196–218.
46. Trundle, A., Barth, B., and McEvoy, D. (2018), Leveraging endogenous climate resilience: urban adaptation in Pacific Small Island Developing States, *Environment and Urbanization*, vol. 31, no. 1, pp. 53–74.
47. Jesse, N. G., and Dreyer, J. R. (2016), *Small States in the International System: at Peace and at War*, Lanham: Lexington Books.
48. Browning, C. (2006), Small, Smart and Salient? Rethinking Identity in the Small States Literature, *Cambridge Review of International Relations*, vol. 19, no. 4, pp. 669–684.
49. Chong, A. (2010), Small state soft power strategies: virtual enlargement in the cases of the Vatican City State and Singapore, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 23, no. 3, pp. 383–405.
50. Clarke, C., and Payne, T. (1987), *Politics, Security, and Development of Small States*. London: Allen & Unwin.
51. World Bank. Data and Statistics. 2000. URL: <http://www.worldbank.org/data> (дата обращения: 25.12.2020).
52. Fazal, T. (2007), *State Death: The Politics and Geography of Conquest, Occupation and Annexation*, Princeton: Princeton University Press.

53. Pace, R. (2000), Small states and the Internal balance of the European Union: the perspective of Small States, in: Gower, J., and Redmond, J. (ed.), *Enlarging the European Union: The Way Forward*, Burlington, VT: Ashgate, pp.107–109.
54. Vital, D. (1967), *The inequality of States: A study of small power in international relations*, Westport, CT: Greenwood press.
55. Mouritzen, H., and Wivel, A. (2005), *The geopolitics of Euro-Atlantic integration. Introduction*, London: Routledge.
56. Mearsheimer, J. (2001), *The tragedy of great power politics*, New York: Norton.
57. Elman, M. F. (1995), The foreign policies of small states: challenging neorealism in its own backyard, *British journal of political science*, vol. 25, no. 2, pp. 171–217.
58. Jesse, N. (2006), Choosing to Go it Alone: Irish Neutrality in Theoretical and Comparative Perspective, *International Political Science review*, vol. 27, no. 1, pp. 7–28.
59. Dreyer, J., and Jesse, N. (2014), Swiss Neutrality Examined: Model, Exception or Both?, *Journal of Military and Strategic Studies*, vol. 15, no. 3, pp. 60–83.
60. Wendt, A. (1999), *Social Theory of International Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
61. Löden, H. (2012), Reaching a Vanishing Point? Reflection on the Future of neutrality Norms in Sweden and Finland, *Cooperation and Conflict*, vol. 47, no. 2, p.271–284.
62. Aguis, C., and Devine, K. (2011), Neutrality: A Really Dead Concept? A Revise, *Cooperation and Conflict*, vol. 46, no. 3, pp. 265–284.
63. Devine, K. (2008), Stretching the IR Theoretical Spectrum on Irish Neutrality: A critical Social Constructivist Framework, *International Political science review*, vol. 29, no. 4, pp. 461–488.
64. Goetschel, L. (2011), Neutrals as Brokers of Peacebuilding Ideas?, *Cooperation and Conflict*, vol. 46, no. 3, pp. 312–333.
65. Björkdahl, A. (2008), Norm Advocacy: A Small State Strategy to Influence the EU, *Journal of European Public Policy*, vol. 15, no. 1, pp. 135–154.
66. Ingebritsen, C. (2002), Norm Entrepreneurs. Scandinavia's Role in World Politics, *Cooperation and Conflict*, vol. 37, no. 1, p.11–23.
67. Aguis, C. (2006), *The Social Construction of Sweden Neutrality: Challenges to Sweden sovereignty and neutrality*, Manchester: Manchester University Press.
68. Pedersen, R. B. (2012), Danish Foreign Policy Activism: Differences in Kind or Degree?, *Cooperation and Conflict*, vol. 47, no. 3, pp. 331–349.
69. Bergmann, E. (2014), Iceland: A Postimperial Sovereignty Project, *Cooperation and Conflict*, vol. 49, no. 1, pp. 33–54.
70. Новикова, И. Н. (2006), «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны, СПб.: Изд-во СПбГУ.
71. Vihavainen, T. (2006), Does History Play a Role in Finnish-Russian Relations?, in: Smith, H. (ed.), *The Two-Level Game: Russia's Relations with Great Britain, Finland and the European Union*, Aleksanteri Series, vol. 2, pp. 27–47.

Статья поступила в редакцию 20 мая 2022 г.;
рекомендована к печати 30 июня 2022 г.

Контактная информация:

Новикова Ирина Николаевна — д-р ист. наук, проф.; i.novikova@spbu.ru

Small states in international relations: Some theoretical aspects

I. N. Novikova

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Novikova I. N. Small states in international relations: Some theoretical aspects. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2022, vol. 15, issue 3, pp. 219–242.
<https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301> (In Russian)

One of the important trends in the development of international relations in the second half of the 20th — early 21st centuries is the growing importance of small states in international

relations. From passive “pawns” in the big political games of the great powers, they are turning into active players capable of pursuing their own national interests in the international arena. During the Cold War period, European neutral states acquired an unique experience of fruitful cooperation in international organizations, peaceful mediation and peacemaking. Multilateral diplomacy, renunciation of the use of force, striving for a peaceful political resolution of conflicts predetermine, to a certain extent, interest in studying the experience of small countries. The decline in the ability of the leading great powers to resolve conflicts effectively on the periphery of the international system, on the other hand, the capability of small countries to generate new ideas and norms in international relations create preconditions for a further increase in the role of small countries in international relations. It is necessary to study not only the great powers, but also the small countries that make up the vast majority of states, if we want to understand the nature of international relations in general, the formation and behavior of modern coalitions and alliances in particular. This article aims to identify the main stages of the study of small states in international relations, to analyze the main approaches to the definition of the concept of “small state”, to consider the factors of formation of the foreign policy of small states through the prism of some theories of international relations, to find out the features of the foreign policy behavior of small countries in international relations.

Keywords: small states, realism, neo-realism, liberal neo-institutionalism, social constructivism.

References

1. Kjellen, R. (1917), *Studien zur Weltkrise*, München: H. Bruckmann.
2. Waltz, K. (1979), *Theory of International Politics*, New York: McGraw Hill.
3. Corbett, J., and Veenendaal, W. (2019), Why Small States are Beautiful, *Political Insight*, vol. 10, no. 1, pp. 4–8.
4. Neumann, I. B., and Gstöhl, S. (2004), *Lilliputians in Gulliver's World? Small States in International Relations*, Centre for Small State Studies, Institute for International Affairs, University of Iceland.
5. Keohane, R. (1969), Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics, *International Organisation*, vol. 23, no. 2, pp. 291–310.
6. Baker Fox, A. (1959), *The Power of Small States: Diplomacy in the World War II*, Chicago: Chicago University Press.
7. Kuz'min, Yu. S., and Novikova, I. N. (2008), *Contemporary history of small and medium-sized European countries*, St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russian)
8. Rothstein, R. (1968), *Alliances and Small Powers*, New York: Columbia University Press.
9. Höll, O. (1978), Kritische Anmerkungen zur Kleinstaaten-Theorie, *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft*, vol. 7, no. 3, S. 259–273.
10. Höll, O. (1983), *Small States in Europe and Dependence*, Wien: W. Braumüller.
11. Frei, D. (1975), *Strategien zum Umgang mit Abhängigkeit: Kleine Studien zur Politischen Wissenschaft*, Zürich: Forschungsstelle fuer Politische Wissenschaft an der Universitaet.
12. Vogel, H. (1979), *Der Kleinstaat in Weltpolitik: Aspekte der schweizerischen Aussenbeziehungen in internationalen Vergleich*, Freuenfeld: Huber.
13. Vital, D. (1971), *The Survival of Small States: Studies in Small Power/Great Power Conflict*, Oxford: Oxford University Press.
14. Christmas-Møller, W. (1983), Some Thoughts on the Scientific Applicability of the Small State Concept: A research History and a Discussion, in: Höll O., *Small States in Europe and Dependence*, Wien: W. Braumüller, pp. 35–53.
15. Handel, M. (1981), *Weak States in the International System*, London: Frank Cass.
16. Katzenstein, P. (1985), *Small States in World Markets: Industrial Policy in Europe*, Ithaca: Cornell University Press.
17. Alapuro, R., Alestalo, M., Haavio-Mannila, E., and Väyrynen, P. (1985), *Small States in Comparative Perspectives*, Oslo: Norwegian Univ. Press.
18. Karsh, E. (1988), *Neutrality and Small States*, New York: Routledge.
19. Aguis, C. (2011), Transformed Beyond Recognition? The Politics of Post-Neutrality, *Cooperation and Conflict*, vol. 46, no. 3, pp. 370–395.
22. Thorhallson, B. (2000), *The Role of Small States in the European Union*, Aldershot: Routledge.

20. Gstöhl, S. (2002), *Reculant Europeas: Norway, Sweden, and Switzerland in the Process of Integration*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
21. Zibrandt von Dosenrode-Lynge, S. (1993), *Westeuropäische Kleinstaaten in der EG und EPZ*, Zürich: Verlag Rüegger.
23. Björkdahl, A. (2002), *From Idea to Norm: Promoting Conflict Prevention*, Lund: Lund Political Studies.
24. Ingebritsen, C. (2002), Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics, *Cooperation and Conflict*, vol. 37, no. 1, pp. 11–23.
25. Novikova, I. (2007), Transformation of Finland's Policy towards Russia in the Post-Cold War Period, in: Katsy, D. (ed.), *International Relations: from Local Changes to Global Shifts*, St Petersburg: St Petersburg University Press, pp. 94–106.
26. Braberoy-Wagner, J. (2010), Opportunities and limitations of the exercise of foreign policy power by a very small state: the case of Trinidad and Tobago, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 23, no. 3, pp. 407–427.
27. Ornston, D. (2012), *When Small States Make Big Leaps: Institutional Innovation and High-Tech Competition in Western Europe*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
28. Archer, C., Bailes, A. J. K., and Wivel, A. (2014), *Small States and International Security: Europe and Beyond*, Abingdon: Routledge.
29. Carvalho, B., and Neumann, I. B. (2014), *Small State Status Seeking: Norway's Quest for International Standing*, Abingdon: Routledge.
30. Wivel, A., and Oest, K. J. N. (2010), Security, profit or shadow of the past? Explaining the security strategies of microstates, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 23, no. 3, pp. 429–453.
31. Kamrava, M. (2013), *Qatar: Small States, Big Politics*, Ithaca, New York, London: Cornell University Press.
32. Knudsen, O. (1993), The Foreign Policies of Baltic States: Interwar Years and Restoration, *Cooperation and Conflict*, vol. 28, no. 1, pp. 47–72.
33. Rtskhiladze, G. V. (2018), Factor of external authority for small states and integration in the post-soviet space, *Vestnik RUDN, Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 18, no. 1, pp. 33–48. (In Russian)
34. Smirnov, V. A. (2014), The role of small countries in post-soviet territorial restructuring: the Baltic case, *Baltiiskii region*, no. 4, pp. 48–58. (In Russian)
35. Smirnov, V. A. (2016), Foreign policy of Baltic states towards Russia, *Sovremennaia Evropa*, no. 5, pp. 44–54. (In Russian)
38. Zverev, Yu. M., and Mezhevich, N. M. (2019), Approaches to the typology of European small countries (case of Estonia, Latvia, Lithuania), *Polis*, no. 5, pp. 181–191. (In Russian)
36. Mezhevich, N. M. (2018), The Baltic States and the EU, *Evropeiskii Soiuz: fakty i kommentarii*, no. 90, pp. 39–41. (In Russian)
37. Mezhevich, N. M., and Novikova, I. N. (2016), Finland and NATO: how the forgetting of lessons of the past can lead to their repetition, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 4 (88), pp. 27–39. (In Russian)
39. Vorotnikov, V. V. (2015), *Foreign policy of the Baltic States at the beginning of the XXI century*, Moscow: Aspekt-Press Publ. (In Russian)
40. Vorotnikov, V. V., and Habarta, A. A. (2021), Western Balkans in the era of transformations: European choice and Russian foreign economic interests, *Sovremennaia Evropa*, no. 1 (101), pp. 62–73. (In Russian)
41. Khudoley, K. K., and Lanko, D. A. (2019), Finnish security dilemma, NATO and the factor of Eastern Europe, *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 63, no. 3, pp. 13–20. (In Russian)
42. Lanko, D. A., and Dolženková, J. (2015), Latvia in the system of European territorial security: a view from the inside and outside, *Baltiiskii region*, no. 1 (23), pp. 73–88. (In Russian)
43. Olenchenko, V. A. (2019), Northern Europe — Baltic — Eastern Europe: coexistence or interaction?, *ENOZH "Istoriia"*, vol. 10, iss. 7 (8), p. 21. (In Russian)
44. Corbett, J., and Veenedaal, W. (2018), *Democracy in Small States: Persisting Against All Odds*, Oxford: Oxford University Press.
45. Klöck, C., and Nunn, P. D. (2019), Adaptation to Climate Change in Small Island Developing States: A Systematic Literature Review of Academic Research, *Journal of Environment and Development*, vol. 28, no. 2, pp. 196–218.
46. Trundle, A., Barth, B., and McEvoy, D. (2018), Leveraging endogenous climate resilience: urban adaptation in Pacific Small Island Developing States, *Environment and Urbanization*, vol. 31, no. 1, pp. 53–74.
47. Jesse, N. G., and Dreyer, J. R. (2016), *Small States in the International System: at Peace and at War*, Lanham: Lexington Books.

48. Browning, C. (2006), Small, Smart and Salient? Rethinking Identity in the Small States Literature, *Cambridge Review of International Relations*, vol. 19, no. 4, pp. 669–684.
49. Chong, A. (2010), Small state soft power strategies: virtual enlargement in the cases of the Vatican City State and Singapore, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 23, no. 3, pp. 383–405.
50. Clarke, C., and Payne, T. (1987), *Politics, Security, and Development of Small States*, London: Allen & Unwin.
51. World Bank. Data and Statistics. 2000. URL: <http://www.worldbank.org/data> (дата обращения: 25.12.2020).
52. Fazal, T. (2007), *State Death: The Politics and Geography of Conquest, Occupation and Annexation*, Princeton: Princeton University Press.
53. Pace, R. (2000), Small states and the Internal balance of the European Union: the perspective of Small States, in: Gower, J., and Redmond, J. (ed.), *Enlarging the European Union: The Way Forward*, Burlington, VT: Ashgate, pp.107–109.
54. Vital, D. (1967), *The inequality of States: A study of small power in international relations*, Westport, CT: Greenwood press.
55. Mouritzen, H., and Wivel, A. (2005), *The geopolitics of Euro-Atlantic integration. Introduction*, London: Routledge.
56. Mearsheimer, J. (2001), *The tragedy of great power politics*, New York: Norton.
57. Elman, M. F. (1995), The foreign policies of small states: challenging neorealism in its own backyard, *British journal of political science*, vol. 25, no. 2, pp. 171–217.
58. Jesse, N. (2006), Choosing to Go it Alone: Irish Neutrality in Theoretical and Comparative Perspective, *International Political Science review*, vol. 27, no. 1, pp. 7–28.
59. Dreyer, J., and Jesse, N. (2014), Swiss Neutrality Examined: Model, Exception or Both?, *Journal of Military and Strategic Studies*, vol. 15, no. 3, pp. 60–83.
60. Wendt, A. (1999), *Social Theory of International Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
61. Löden, H. (2012), Reaching a Vanishing Point? Reflection on the Future of neutrality Norms in Sweden and Finland, *Cooperation and Conflict*, vol. 47, no. 2, p. 271–284.
62. Aguis, C., and Devine, K. (2011), Neutrality: A Really Dead Concept? A Revise, *Cooperation and Conflict*, vol. 46, no. 3, pp. 265–284.
63. Devine, K. (2008), Stretching the IR Theoretical Spectrum on Irish Neutrality: A critical Social Constructivist Framework, *International Political science review*, vol. 29, no. 4, pp. 461–488.
64. Goetschel, L. (2011), Neutrals as Brokers of Peacebuilding Ideas?, *Cooperation and Conflict*, vol. 46, no. 3, pp. 312–333.
65. Björkdahl, A. (2008), Norm Advocacy: A Small State Strategy to Influence the EU, *Journal of European Public Policy*, vol. 15, no. 1, pp. 135–154.
66. Ingebritsen, C. (2002), Norm Entrepreneurs. Scandinavia's Role in World Politics, *Cooperation and Conflict*, vol. 37, no. 1, p. 11–23.
67. Aguis, C. (2006), *The Social Construction of Sweden Neutrality: Challenges to Sweden sovereignty and neutrality*, Manchester: Manchester University Press.
68. Pedersen, R. B. (2012), Danish Foreign Policy Activism: Differences in Kind or Degree?, *Cooperation and Conflict*, vol. 47, no. 3, pp. 331–349.
69. Bergmann, E. (2014), Iceland: A Postimperial Sovereignty Project, *Cooperation and Conflict*, vol. 49, no. 1, pp. 33–54.
70. Novikova, I. N. (2006), “Between the Hammer and the Anvil”: Sweden in the German-Russian confrontation on the Baltic during the First World War, St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russian)
71. Vihavainen, T. (2006), Does History Play a Role in Finnish-Russian Relations?, in: Smith, H. (ed.), *The Two-Level Game: Russia's Relations with Great Britain, Finland and the European Union*, Aleksanteri Series, vol. 2, pp. 27–47.

Received: May 20, 2022

Accepted: June 30, 2022

Author's information:

Irina N. Novikova — Dr Sci. in History of International relations and Foreign Policy, Professor;
i.novikova@spbu.ru